

говаривает: «Вижу, вижу, батюшка Родион Романович, смеетесь вы надо мною...»

Внезапный смех является проявлением истерики. Реакция Раскольникова, понявшего, что его подозревают, не адекватна — он расхохотался. Так же, как смеялся над собой ранее, от злости, затем резко «прекратил свой совершенно припадочный смех». Вдруг «губы его задрожали, глаза загорелись бешенством, и сдержанный до сих пор голос зазвучал». Раскольников пришел «в иступление». Иногда он использует смех (притворяется, что он весел и беззаботен) как прикрытие, стремление скрыть тревогу, беспокойство. Порфирий: «Смех-то, смех-то ваш, как вошли тогда, помните. Ведь вот точно сквозь стекло я все тогда угадал...» Следовательно увидел притворство и сделал соответствующие выводы.

Как изображение неадекватного поведения, использует писатель беспричинный, странный смех для характеристики второстепенных персонажей. В сцене обвинения Сони Лужиным: «“Это Соня-то воровка? Да она еще тебе даст, дурак!” — и Катерина Ивановна истерически захохотала».

Свидригайлов на обычные вопросы отвечает «хохоча», говорит о том, что живет рядом с Соней, «колыхаясь от смеха». Отмечено, что у Марфы Петровны были «смешные привычки», было много «смешного и нелепого». Луиза Ивановна в полицейском участке «улыбалась трусливо и нахально вместе, но с явным беспокойством».

Смех — оценка, приговор другому, насмешка. Насмешку используют персонажи романа, чтобы позлить собеседника. Так, Лужин насмешлив и ироничен в разговоре с Лебезятниковым, доводя до крайности все его «вопросы» и «протесты». Старуха-процентщица «установилась глазами прямо в глаза» Раскольникову, «ему показалось даже в ее глазах что-то вроде насмешки, как будто она уже обо всем догадалась».

Шутовство и провокация. Для многих персонажей романа характерна пронзительная, циничная, злая и двусмысленная насмешка с оттенком провокации. Персонажи смеются нарочитым, деланным смехом не потому, что весело, а чтобы раздражить другого. Порфирий — чтобы преступник себя выдал. Лужин злит Лебезятникова — чтобы излить свое раздражение. Толпа — чтобы спровоцировать скандал и продлить удовольствие зрелища. Повествователь отмечает «громкий хохот жильцов, которые нарочно поощряли» квартирную хозяйку, то есть провоцировали скандал на поминках. Старуха-процентщица, маленькая ростом, бьет огромную Лизавету — рассказывает студент в кабаке и хохочет над этой нелепостью. Хохочет и офицер, слушая о том, что «смирная девка, чуть не идиотка», «поминутно была беременна». Когда студент говорит о том, что убил бы старуху «без всякого зазору совести», офицер тоже хохочет. Злобно подсмеивается Лужин над Лебезятниковым, «отколотившим» Катерину Ивановну: «То-то вот они, убеждения-то! Да и женский вопрос подгулял. Хе, хе, хе!»

Персонажи романа используют осмеяние как нанесение обиды и попрание общепринятых человеческих норм. «Прогрессивный» Лебезятников замечает про поминки: «Впрочем, оно и можно было бы пойти, так только, чтобы посмеяться...»

— То есть сесть за чужую хлеб-соль и тут же наплевать на нее, равномерно и на тех, которые вас пригласили.

— Я с полезной целью...»

В «Преступлении и наказании» жуткий смех как символ душевного оупления присутствует во всех ключевых сценах. Например, «страшный сон» Раскольникова. Гулянье возле кабака: «все пьяны, все поют песни». Маленькая, тощая крестьянская клячонка, впряженная в большую телегу. «Все лезут в Миколкину телегу с хохотом и остротами». «Кругом в телеге тоже смеются, да и впрямь, как не смеяться...» Кляча не идет, «только семенит ногами <...>. Смех в телеге и толпе удваивается, но Миколка сердится и в ярости сечет учащенными ударами кобыленку...». Отец говорит, что «пьяные шалют, дурчатся». «Секи до смерти!» Только после того, как он убивает лошадь, кричат из толпы «уже немногие голоса»: «Ну и впрямь, знать, креста на тебе нет!»

Смех и плач, будучи проявлением полярно противоположных чувств, в мире Достоевского сходятся и часто взаимозаменяемы: там, где звучит хохот, вполне уместны рыдания, и наоборот. Это проявление наивысшего напряжения нервов действующих лиц.

В сюжете смех или болезненное иступление, истерика, обморок — разрешение и завершение кульминационных ситуаций. Падают в обморок Раскольников. Соня не смеется в романе, но в моменты душевного напряжения она впадает в истерику, как, например, после скандала говорится, что «чувство беспомощности и обиды мучительно стеснило ей сердце. С ней началась истерика». После признания Раскольникова она «вдруг заплакала навзрыд, как в истерике». «Катерина Ивановна просто в иступлении, совсем помешалась... Она хохочет и кашляет на улице».

Раскольников в каторге так же, как и в начале романа, «постоянно угрюм, несловоохотлив». Но произошло одно важное изменение в его внешнем облике и поведении — он не смеется, но только плачет, как это было характерно для Сони: «...он плакал и обнимал ее колени»; «...слезы стояли в их глазах». Смех как одно из проявлений «арифметики», «диалектики», то есть рассудочного и злого миропонимания, уступает место истинно душевному проявлению «натуры», чувствам примирения, умиления, связывается повествователем с «бесконечным счастьем», с сиянием зари «обновленного будущего».

Изображение смеющегося человека в романе связано с общей эмоциональной атмосферой и содержанием романа. На характер комического в произведениях Достоевского обратил внимание И.И. Лапшин: «“Жестокому таланту” свойствен адский хохот, полный муки. ...Даже детские шутки у Достоевского связаны со смертоубийством...» — пишет он⁵. Лапшин считает, что в произведениях Достоевского «преобладает злобный торжествующий смех насильников и заискивающее хихиканье пресмыкающихся шуток». Иногда комическое у Достоевского сопровождает трагические ситуации, и тогда оно приобретает «цинический отвратительный оттенок». То же ощущение вызывает у читателя завершение в романах трагических ситуаций «злобно-сатирическими выходками» (как, например, в сцене, предшествующей самоубийству Свидригайлова).

В напряженных кульминационных сценах комическое переходит в скандал. Так, в сцене

поминок Катерина Ивановна, раздраженная и больная, зло и смешно передразнивает своих гостей: «сопля на двух ногах», «настоящая сычиха в лентах», «расфуфыренные шлепхвостницы» и т.д., «прусская куриная нога в кринолине». При этом очевидно остроумие повествователя, подмечающего в своем комментарии комичность ситуаций (Мармеладова «понять не могла, как мог Петр Петрович отречься от хлеба-соли ее папеньки. Выдумав раз эту хлеб-соль, она уже ей свято сама верила»).

Таким образом смеховая реакция — одна из самых характерных в романе, для которого в целом свойственны юмор, ирония, комические положения. Крупный план лица смеющегося человека (Порфирия Петровича) и многозначительные, двусмысленные улыбки Раскольникова, Свидригайлова, смех второстепенных персонажей «Преступления и наказания» имеют общее, преимущественно негативное, значение. Основной смысл смеха в романе — злая насмешка, притворство, провокация скандала, шутовство, игра и глумление. Неадекватный смех персонажей используется как эффективное разрешение кульминационных скандальных ситуаций. В изображении облика и поведения Раскольникова его улыбки и смех (как негативная реакция на свои ошибки и поступки окружающих) имеют дополнительную значимость — как внешнее выражение охватившей его злобы («у меня сердце злое», — говорит он о себе), как неизбежное следствие рассудочного, «арифметического» отношения к жизни. Душевная мягченность, перелом в его настроениях, сближение с Соней в финале романа выражаются отчасти в том, что насмешка сменяется слезами. А это должно означать, по мысли автора, начало возрождения его души.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ FARYNO J. Введение в литературоведение. — Ч. 3. — С. 76.
- ² МЕРЕЖКОВСКИЙ Д.С. Л.Толстой и Достоевский. — М., 2001.
- ³ ЕРМИЛОВ В. Достоевский. — М., 1956. — С. 171.
- ⁴ ГИНЗБУРГ Л.Я. О литературном герое. — Л., 1979. — С. 45.
- ⁵ ЛАПШИН И.И. Комическое в произведениях Достоевского // О Достоевском: Сб. 2 / Под ред. А.Л.Бема. — Прага, 1933. — С. 34—35. Позже эту тему разрабатывал, в частности, Н.М.Чирков в кн. «О стиле Достоевского» (М., 1964, написана в 1946) в гл. «Патетическое и смешное» в действии романов Достоевского». Изучение трагикомических элементов в художественном мире Достоевского продолжил П.М.Бицилли. В статье «К вопросу о внутренней форме романа Достоевского» (1946) он назвал Достоевского «гениальным мастером гротеска, шаржа, карикатуры», близким Гоголю. Одна из наиболее значительных современных работ о значении смеха в русской литературе XIX века, в частности в творчестве Достоевского, — работа «Человек смеющийся» в книге В.Хализева «Ценностные ориентации русской классики». — М., 2005.